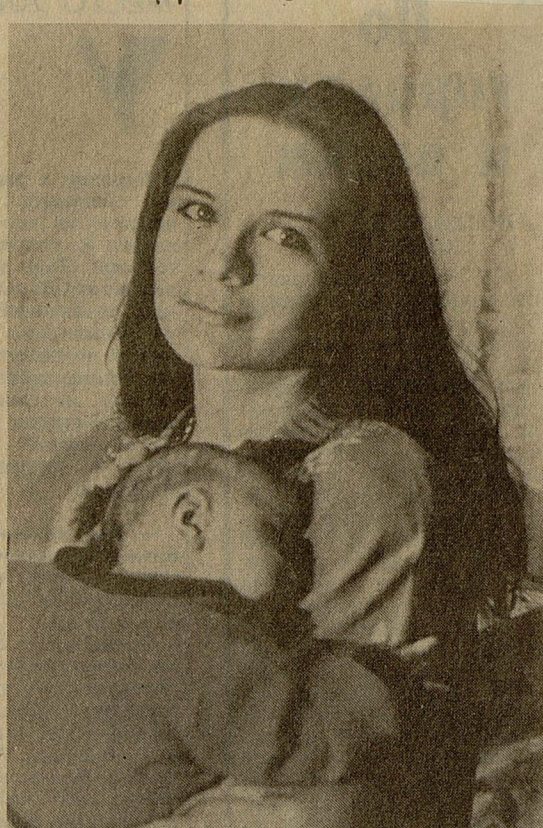


Я — ИМПРЕСАРИО



Кочубеева М. — 1992 — 15 лет — С. 8.

Что значит «раскрутить» пианиста?

Многим нужен только толчок.

За два года мы с Валерием Петашем прошли путь от бесплатных концертов до цифры с тремя нулями, да еще и в валюте. Честно говоря, я еще не совсем разобралась в причине такого взлета. Просто очень везло. А быть может, сыграл свою роль год Дракона, мой год.

Словом, заявив о себе 19 ноября 1989 года первым сольным концертом в Доме медиков, мы начали «нашу» карьеру. А потом — пять концертов с различной программой до окончания сезона на одной и той же публике. Без единой афиши. Зал собирался тщательно, один к одному, по телефону. И всегда — аншлаг, и всегда — успех. За все это время на рекламу не было истрачено ни копейки.

Параллельно концертам я «организовывала» передачи на московской программе, «Музыкальный киоск», встречу на Шаболовке, записи на радио, выход на иновещание, сообщения в прессе... То есть я делала свое дело. И они делали свое дело.

Может показаться: ну что тут такого — ведь талантливый исполнитель! Кроме того, Петаш блестяще рисует (единственная в своем роде техника — шариковая ручка), пишет стихи, а как интересны его «лекции» о культуре, живописи, религии (кавычки ставлю только лишь потому, что невозможно точно определить форму его выступлений)!

Да, мне тоже порой так казалось. Но только порой. Потому что само по себе это ничего не приносило. И я продолжала кропотливую работу, чтобы драгоценный камень получил стоящую оправу. И результат налицо: концерты в Германии, Австрии, Арабских Эмиратах...

И я этим очень горжусь. Пусть кажется, что это звучит самоуверенно: самое главное, что мне удалось сделать — вернуть сорокалетнему музыканту веру в себя.

Я намеренно назвала возраст. Это несчастное «потерянное» поколение заявляет о себе настойчиво, как бы вернувшись из небытия. К сожалению, не все творческие люди дошли до этих лет — времени расцвета, мудрости, жизненного опыта с такими же свежими силами, с юношеской энергией.

Я близко знаю несколько талантливых музыкантов 50-х годов рождения. Как же противоположно сложились их судьбы!

Валерий Петаш. Его концертная жизнь триумфально продолжается.

Пианист Виктор Рябчиков. Пока что у него было только несколько блестящих концертов в Москве и Владимире. По словам Бошняковича, это настоящий русский музыкант школы Игумнова, Нейгауза. Что ждет его?

Ученик Зураба Соткилавы Александр Науменко. К счастью, ему судьба улыбнулась, его знают и любят в Лондоне, Амстердаме, Париже.

Выпускник Одесской консерватории Лев Колоколов — тенор с выдающимися данными. Его след в музыке потерялся.

А сколько их еще, незнако-

мых, талантливых, гениальных, уехавших и прозябающих здесь...

Что мешает им себя реализовать?

Быт, деньги — это понятно. Но еще — отсутствие рядом профессионала. Самому себя «продавать» не должно. Каждый обязан заниматься своим делом. У нас только зарождается понимание этого. А наш случай с Петашем, с классическим музыкантом, не эстрадным исполнителем, вообще единственный.

Помню, как окружающие зло удивлялись: как, у него есть личный импресарио? Сколько же у него денег?

Признаюсь, да, я иногда блефовала. Но, как говаривал Челентано в знаменитом и любимом всеми фильме: это можно делать, лишь имея на руках козыри. Этот козырь у меня был — Валерий Петаш. Оставалось только правильно и вовремя его предъявить. Что я и сделала.

Работа импресарио — это труд, но и творчество тоже. Сам себе актер, сам себе режиссер, математик, дизайнер, бухгалтер, кассир, а своему подопечному — друг, советчик, нянька. Плюс — обязательно — разумное бескорыстие, доброжелательность и любовь к искусству.

А моя школа? Ею были несколько дней гастролей Чикагского симфонического оркестра осенью 1990 года в Москве. Никогда не забуду, как блестяще они были организованы. Безупречное, безукоризненное, продуманное до мельчайших подробностей устройство быта музыкантов, которым обеспечили все — до последней минуты перед выходом на сцену давало право Маэстро требовать от них максимума. Невозможно плохо играть, зная, что надо только творить, а об остальном уже позаботились. Кстати, административная структура оркестра очень показательна. Каждый отвечает за только ему порученное маленькое дело — и все работает как отлаженный механизм.

Тогда на пресс-конференции фирмы Сearль Монсанта (спонсора гастролей) несколько раз с различных сторон обсуждали вопрос о том, мешает ли предпринимательство искусству. И на этот, довольно, кстати, странный, вопрос вице-президент компании господин Ричард де Шуттер отвечал, что бизнес не только не вытесняет высокое искусство, а, напротив, открывает новые просторы для его развития. И яркий пример тому — создание культурного центра под названием «Чикагский симфонический оркестр».

Наши же предприниматели, в отличие от них, очень бояться продешевить (так называемый «бизнес по-русски»), не заглядывают вперед, а стремятся урвать побольше сегодня. Им надо больше думать об искусстве. И о счастье общения с музыкой и музыкантами. Ведь только освобождая творца (танцовщика, скрипача, композитора...) от мелочей быта, деликатно ограждая его от ерунды, мы приближаем его (и приближаемся сами) к тому, чего нельзя высказать словами. К тому, что может выразить только свободный человек.

Майя КОЧУБЕЕВА.

Р. С. Это было похоже на старое кино: ветер раздувал кружевные занавески на высоких окнах, ветки стучались в стекло комнаты, залитой светом, посредине которой блеснул черный рояль. Но на самом деле это был концерт наших дней в гостиной дома Шуваловых, играл пианист Виктор Рябчиков. Тот, которого Майя Кочубеева называет в этой статье. Майя не может сейчас много времени уделить своей работе, воспитывает маленького сынишку, но по мере сил помогает ему реализовать свой удивительный, свежий талант. Она и пригласила нас на этот концерт. Впечатление было не из рядовых. Если вы, как и мы до сих пор, не слышали этого артиста, приходите в Рахманиновский зал консерватории 18 сентября. Виктор Рябчиков признан клубом «Классика», созданным при Московском фонде культуры и консерватории, лучшим пианистом года.